

26 окт. 1949г.

Малому театру — 125 лет

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

ГОЛОС НАРОДА

27 октября 1824 года, в знаменательный для России год, когда лучшие ее сыны уже готовились выйти на Сенатскую площадь, когда Грибоедов поставил последнюю точку в «Горе от ума», а ссыльный Пушкин в Михайловском, присутствовал в шуму осеннего леса, уже обдумывая своего «Годунова», — в Москве, на Петровской площади, открылся Малый театр. Он открылся в то время, когда еще живы были в памяти славные битвы 1812 года, когда герой народа, еще так недавно почитавший свою могучую, гордую силу, с чудесной широтой оборачивался к истинным стихам Пушкина, то музыкой Глинки, то рождением нового театра. Молодой русский театр начал свою жизнь в Москве, подая от холодного императорского Петербурга, и это было счастливым предзнаменованием. «...Разжалованный императором Петром... Москва», — писал Горький, — была провозглашена... в столицу народа русского. Народ добродетельно боится, которую чувствительна при вести о ее злостных неприятелях, о своей крошечной связи с Москвой. С тех пор началась для нас новая эпоха».

В этой эпохе актерам только что рожденного театра предстояло сыграть важную роль. Прошел всего лишь год после того, как в первый раз открылись дворы Малого театра, и потрясенная Россия в один из декабрьских дней 1825 года узнала о трагедии на Сенатской площади, о том, как пала на ней смерть храбрых ее защитников. Скорбная тень пяти великих дел на всю русскую жизнь. Благославно, ничто не может нарушить глухого молчания непродолжительной ноющей боли политического террора Николая. «...Одна лишь зловещая и широкая тень Пушкина явучала в долгих рабства и мучений» (Горький). И тогда, среди этого гнетущего молчания, в законной песне Пушкина лежала возможность проследования новой, живой и страстной человеческой жизни. Это был голос Малого театра, голос народа. Как воздух, как толчок свежей воды в пустыню, дорого было тогда это слово правды, этот призыв к свободе, этот голос человеческой достоинства. Все честные, переводые люди России слепили в свой театр, чтобы здесь доказать и опутать себя на основании, вновь почувствовать свои национальные силы, получить новую веру в будущее. «Будет театр! Каким незыблемым осязанием потрелся ты тогда все ступни души моей, и какие давние аккорды сыграв ты в них!» — писал, вспоминая это время, Белянский.

Вот сидит он в зале и с голыми глазами, боюсь пропустить малейший вздох или слово любви Мочалова, смотрит восторженно на полых «Гамлетов». Какой могучий художник, этот сын христианского актера, с его самобытным русским гением, открывающим логичность европейской школы! «Актёр-победитель», впервые просто завоевывающий трагик, творец русской трагедии! Сейчас он играет Гамлета, но это русский Гамлет; тот, английский Гамлет, слаб и нерешителен, у этого же — богатырская, мятежная сила. Мочалов переводит его на язык своего времени, своей неаналитичности, своей любви к свободе. Смотрю — вот он в сцене «мышеловки» хочет уличить в преступлении и невинности самого короля. Король полн, лицемерен, преступлен, и все это хорошо знают в зале: сколько слезиной царя в Сибирь, сколько жемчужина и слеза жизни. И вот он разоблачен, вот он грустно, как мальш, бежит от оседлательного света правды.

Да, не собою, заложило бытие, было парским сознанием, видением Мочалова, — «вырвавшегося из детства льва». Грозные пожары пугающего бунта, мятежное утро на Сенатской площади истаяли, вероятно, перед лицом гениального напавшего в этот вечер. Зато каким общением, каким симпатическим садом народа было его мощное персоническое творчество для демократической за-

сти зрительного зала! Два грозных обвинительных акта, два сокрушительных замая на зловерному казнету николаевской России дал этот могучий театр в первое же свое десятилетие. Год 1831 — впервые полностью сыграно «Горе от ума». Год 1836 — «Рембрандт» Гоголя.

Это было забудравшее всю Россию, порождавшее смятение... открытое нападение со сцены на многие, что еще не успело отойти, до чего были дотрагивались даже в печати» (Гончаров).

Театр дал высоким делам Грибоедова и Гоголя вечную жизнь, сумел передать их с правдой, еще невиданной доселе на сцене. «Актёр подал поэта», — писал Белянский. Этим актером был гениальный сын русского народа Михаил Семёнович Щепкин.

Щепкин! Великий актер-гражданин, он вочью раскрыл нам во всей громаде содержания им, во всей красоте своего демократического искусства, каким активным деятелем национальной культуры может стать актер.

Друг Пушкина, Белянского и Гоголя, Горького и Щепкина, Щепкин как бы олицетворял в «чужие» лице высокое братство русской культуры и Малого театра, великую дружбу идей и сердец деятелей нашей национальной культуры.

Это была дружба взаимного обогащения. Пушкин своим рубиком пишет начало щепкинских записок. Щепкин отвечает ему гениальным посланием «Скупому рыцарю». Гоголь в каждом письме на Петербург не устает давать советы, открывать новые возможности в искусстве своего друга. Щепкин, в свою очередь, верно стоит на страже гоголевского реализма, яростно сопротивляясь попыткам Малого театра с этого пути. Богда Гоголь, затаивший реакционером, пытается подтолкнуть персонажа «Ревизора» в мистические, далекие от правды жизни значения. Щепкин пишет: «Нет, я их вам не дам! Не дам, пока существуют. После меня переделайте хоть в колоды; а до тех пор я не уступаю вам Державину, потому что и он мне дорог». И не уступил.

Так всегда творческое общение с Щепкиным, с Малым театром ало художника вперед, обогащая русскую литературу.

Малый театр был «борьбой пунктом творческих сил страны» (Южин). «Москва — город немыслимо обновляющийся, вечный юный; через Москву волнами являются в Россию великорусская, народная сила», — скажет впоследствии художник, слепивший на смену Грибоедову и Гоголю, художник, благоговейно подхожащий только к театру, что одно только «даже» возбудит уже народный патристизм». В голове его уже в то пору жили великий мир сабызанных, свежих, взятых прямо на русской жизни того времени образов, а в груди колокола, поступающая к толпе, аналитичная с жестким законом «темной природы», где человек человеческой, где блестящая красота русского сердца толкает и гонит в древнем жезле новизны и аналитичности. В Малый театр шел Островский.

Он встретил там с нетерпением ожидающую его прихода чудотворную семью русских актеров. И первым настрелу ему вышел Прох Саловский, актер, обладавший такими же точным знанием русского человека, такой же неуверенной русской речью, такой же простотой и правдой, такой же страстным желанием сказать свое слово о жизни народа, как и Островский.

И снова записки, записки зрительный зал Малого театра. Москва впервые увидела Островского на сцене. Увидела его. Русь, увидела такой, какой мечтал ее видеть еще Белянский: «...о, о, о добром и злом, с ее высоким и смелым...», услышала «...говорящих ее доблестных героев... бление пудка ее могучей жизни...»

И снова возник нерушимый союз акте-

ра—автора—зрителя, всегда составляющий незыблемую основу жизни Малого театра. Горько поддерживавший театр голос Добролюбова закрепили это единство.

«Блестящие народной силой таланты на протяжении века со сцены Малого театра упорно били во всемя платины и заграждения, то ослабевая, то доходя до высшего напряжения, и свое дело сделали: уже через два-три десятилетия высший тип народного театра — драматический театр — нашел свой путь, свою крепость — Малый театр» (Жизин). На этой путри «сплоши и заперенный» вышел вместе с зрительской дружкой по театру пламенная дочь народа Мария Николаевна Ермолова.

Ермолова! Это имя звучало, как трубный призыв к бою, как зовущий восток, как зовущий на верность народу. «А весь народ рыдал как дула», — записывает в своем дневнике актриса. Охлажда после спектакля зрители приходили Ермолову. Меч вояла в руках актрисы, — какой прекрасный символ ее пламенного, патристического искусства! Гордым буревестником была Ермолова, и не случайно, что другим ее и почитали все малой Горький.

Жизнь связь с народом, к которой всегда, через все преграды пробивался Малый театр, питала его демократическое искусство, позволяла ему говорить «во веки веков». Но вот в канун революции, в годы глубокой борьбы, охватившего русское искусство, официальная, правящая Россия мертвой хваткой анемизма в горло Малого театра, пыталась задушить его волю, правды слово, пыталась столкнуть его на путь ремесла и пошлости.

Белянский Октябрьская революция спасла жизнь Малому театру. Малю додумал, он все грядущее человеческий духу свободы, расправил плечи и ринулся настрелу своему народу, с которым его хотели разлучить.

В зале Малого театра теперь сидят люди, заново переделывающие историю мира, а их животная молодость дает тоную жизнь, возвращает восток старому искусству театра. — Новый зритель вернул молодость самому Островскому, — говорила Е. Турчанинова. Новый зритель указал новые пути искусству Малого театра. Он решительно заявил о своем желании видеть себя на сцене. Это же было и главное стремление театра. Он настойчиво ищет дорогу к его осуществлению.

Пустотина на творческой встрече с новыми драматургами, Малый театр начал своего автора и отвечает народу классическим советским спектаклем, ставшим событием для всего нашего театра в целом. «Любовь Иролея» Тренева! Да, в этом спектакле с новой и мужественной силой прозвучал голос народа. С большой любовью к ясным людям революции, к патристическим в этом спектакле Малый театр раскрыл и эту чудотворную красоту, мало к полноте. Умным и ярким гением сопоставил и историю новизны, указав в верну от восток. Это был 1926 мессе: повелевание еще только входило в жизнь. Шли новые шальные тоны. Но я и мой сверстники, являющие этот спектакль, на всю жизнь запомнил строгий и человеческий облик его героев.

Новая драматургия, новый жизненный материал, восток требовали к новому искусству Малого театра. Е. Турчанинова рассказывает: «Приступая к работе над ролью жены профессора Горького, я столкнулась со сложной задачей: мне пришлось изменить обычный подход к роли. Прежде всего я должна была раскрыть сложную, социальную сущность образа, его отношение к современной действительности». Это очень знаменательное признание.

Новое социалистическое искусство актера Малого театра питает переводая советская драматургия. Как и прежде, в

Малый театр приходит лучшие представители отечественной литературы, приходя не в качестве гостя, не на один вечер, а на долгую творческую жизнь. Как и прежде, репертуар Малого театра — это плод настоящей, длительной и требовательной дружбы театра со своим автором.

Для Малого театра дружить с драматургом — это значит упорно добиваться лучшего, настойчиво и вместе с тем бережно вести автора к высокому мастерству, стремиться к тому, чтобы большие идеи, важные жизненные темы были выражены ясно, четко, ярко и образно. Встреча с актером Малого театра для каждого драматурга — это колоссальный экзамен на зрелость. Общение с прекрасными эстетиком русского языка, с чародейми русской речи обостряет драматурга чуткостью и принуждает высветить язык своих слов, отбросить все лишнее и непонятное, отбирать слово к слову только персониру, ясно, предельно выражающее мысль (слово). Так Малый театр, будучи вышедшей школой жизни для своего зрителя, является подлинным университетом художественного совершенства для своего драматурга.

Систематизация Малого театра — живая история советского государства. Театр открылся на все важнейшие события жизни советского Отечества, воплощая в своей творческой летописи борьбу и становление советского человека.

Правда нашей советской жизни, жизни, показанной в Малом театре во всей ее полноте и многообразии, захватывает и удерживает зрителя, заставляет его быть страстным участником разворачивающихся перед ним событий. Зрительный зал как спектакль героический действия, их мысли, чувства, стремления находят выражение на театральных подмостках. Такое органическое, неразрывное единство зала и сцены — славная традиция Малого театра, традиция, получившая новое, невиданное развитие в театре советском. Традиция эта еще раз говорит о могучем источнике силы и молодости Малого театра — о его великой, нерушимой связи с народом.

И народ как благодарностью отвечает об этом поистине замечательном союзе:

«...Когда театры спектакли Малого театра, как будто читали увлекательную книгу, переживали страдания которых, ты найдешь и чувствуешь все новое и новые красоты настоящей радости жизни», — говорит президент Академии артистических наук, членкор-легионист артиллерии А. Байтунянов.

Широко известные войны Советской Армии имена артистов Малого театра — братьев и сестер Валентины Щепкина. Они учат правильно понимать жизнь, бороться там, где должен бороться советский народ, — утверждает Герой Советского Союза В. Дашинов.

Малый театр стал действительно народным театром. Им гордятся творцы с нем: наш театр. После таких спектаклей, как «Московский характер», «Белый свет», уходящий драматург и революционерный тем, что ты действительно признаешься к необходимости великой славы — советскому народу, — так переживает значение Малого театра директор завода «Серп и молот» Г. Данин.

Мы слышим голос народа, — отвечает Малый театр словам его главного режиссера Р. Зубова, — мы прикасаемся к самой жизни через этот голос. Если бы не голос русского народа, Малый театр не мог бы быть тем театром, который слышит нас наша страна.

Любимый театр советского народа, так вдохновлен и преданно служащий все 125 лет русской национальной культуре, так неизменно помогающий всем нам жить в борьбе своим высоким, освещенным идеями Ленина—Сталина, вечной жизнью искусством, заслуживает этой все-народной славы.